

ЛИНГВИСТИКА¹

УДК 81'42

DOI 10.37386/2305-4077-2026-3-155-175

© Н. И. Тюкаева²

*ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России
(Сеченовский Университет) (Москва, Россия)*

© К. И. Бринев³

Хэнаньский университет (Кайфын, Китай)

ЖАНРОВОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ ПАРАМЕТРОВ РЕЧЕВОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ⁴

Статья посвящена разработке методологических оснований жанрового источниковедения естественной письменной русской речи (ЕПРР) в связи с задачами создания «Корпуса русской естественной письменной речи» (КРЕПР, цифрового архива, базы данных и корпуса ЕПР). Цель исследования – обосновать параметрическую модель описания источников и экспериментально проверить жанровую релевантность внешних характеристик письменного речевого произведения: субстрата, орудия и способа его графической реализации. Материал составили экспериментальные стимулы с рассогласованием вербально-прагматического содержания и внешних признаков жанра («Продаётся гараж», «Маникюр», «ЗОЖ») и реакции 175 реципиентов различных возрастных и социальных

¹ Технический редактор раздела – М. В. Воронец, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания и методики преподавания русского языка как иностранного АлтГПУ.

² Надежда Ивановна Тюкаева – кандидат филологических наук, доцент, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета имени И. М. Сеченова Минздрава России (Москва, Россия). ORCID: 0000-0003-3415-0405. E-mail: tukaewa1@mail.ru.

³ Константин Иванович Бринев – доктор филологических наук, доцент, профессор Хэнаньского университета (Кайфын, Китай). ORCID: 0000-0001-8824-594X. E-mail: brinevk@yandex.ru.

⁴ Исследование выполнено за счет гранта РНФ в рамках проекта № 25-28-02810, <https://rscf.ru/project/25-28-02810/> «Методология проектирования базы данных естественной письменной речи с полуавтоматической жанровой идентификацией».

групп. Используются методы лингвистического эксперимента, наблюдения, жанровой атрибуции, прагматической интерпретации и количественного анализа. Установлено, что жанровое распознавание определяется не только языковой формой: субстрат, орудие и способ нанесения текста получают семиотическую нагрузку и участвуют в реконструкции авторской интенции и коммуникативной ситуации. Полученные результаты обосновывают необходимость фиксации внешних и ситуативно-дискурсивных характеристик при цифровой паспортизации источников ЕПР.

Ключевые слова: жанры речи, естественная письменная речь (ЕПР), жанровое источниковедение, субстрат речевого произведения, атрибуты жанра, архитектурный жанровый фрейм, гибридный фрейм-сценарий

Nadezhda I. Tyukaeva

*Sechenov First Moscow State Medical University
(Moscow, Russia)*

Konstantin I. Brinev

Henan University (Kaifeng, China)

GENRE SOURCE STUDIES OF NATURAL WRITTEN SPEECH: EXPERIMENTAL VERIFICATION OF SPEECH-PRODUCT PARAMETERS

The article develops a methodological framework for genre-oriented source studies of natural written speech (NWS) in connection with the creation of Corpus of Russian Natural Written Speech (digital archive, database, and corpus). The study aims to substantiate a parametric model for describing NWS sources and to experimentally test the genre relevance of external characteristics of written speech products: material substrate, writing instrument, and mode of graphic realization. The material includes experimental stimuli in which verbal-pragmatic content conflicts with conventional external genre features (“Garage for Sale,” “Manicure,” and “Healthy Lifestyle”), as well as responses from 175 participants of different age and social groups. The methods include a linguistic experiment, observation, genre attribution, pragma-semantic interpretation, and quantitative analysis. The results demonstrate that genre recognition depends not only on linguistic form: substrate, writing instrument, and mode of inscription acquire semiotic significance and affect the reconstruction of the author’s intention and communicative situation. The findings substantiate the inclusion of external, situational, and discourse-related features in the digital description and metadata annotation of NWS sources.

Keywords: speech genres, natural written speech (NWS), genre source studies, situational substrate of a speech product, genre attributes, architectonic genre frame, hybrid frame-scenario

Введение

Разработка корпуса русской естественной письменной речи (КРЕПР, архивно-корпусной системы) – цифрового архива и базы данных ЕПР с перспективой создания Корпуса ЕПР – выдвигает на первый план проблему **верификации жанрово релевантных признаков речевого произведения**⁵. Если традиционное жанроведение в значительной степени опирается на экспертно-дескриптивное описание жанра, то цифровая параметризация, корпусная разметка и последующая алгоритмизация жанровой атрибуции требуют формализуемых, воспроизводимых и эмпирически проверяемых критериев. **Актуальность исследования** определяется существующим разрывом между теоретическими моделями речевого жанра и практикой квалификации конкретных письменных источников. Несмотря на многообразие подходов к описанию жанра, до настоящего времени отсутствует общепринятая система критериев, позволяющая разграничить его инвариантные, жанрообразующие признаки и контекстуально обусловленные характеристики. В результате жанровая атрибуция эмпирического материала нередко в значительной степени опирается на исследовательскую интуицию, что особенно проблематично при создании цифровых баз данных и корпусов, где признаки должны быть представлены в виде дискретных и однозначно интерпретируемых параметров. Особую значимость данная проблема приобретает при описании ЕПР, поскольку речевое произведение этого типа существует не только как последовательность языковых единиц, но и как материально реализованный объект, включённый в конкретную коммуникативную ситуацию. В связи с этим моделирование имманентных «моментов жанровой системности и типизации» [Дементьев, 2015, с. 92] не может ограничиваться выделением абстрактных жанровых признаков и требует учёта условий реального функционирования речевого произведения. В этом отношении мы разделяем позицию М. Ю. Федосюка, согласно которой подобные теоретические построения могут оказаться «очень далеки от типологии реальных речевых жанров» [Федосюк, 1998, с. 73]. Жанровое распознавание речевого произведения ЕПР потенциально может зависеть от субстрата, орудия и способа нанесения текста, пространственной локализации, характеристик автора и адресата, коммуникативной интенции и дискурсивного контекста. Следовательно, при построении цифровой модели необходимо установить, какие из этих признаков действительно участвуют в жанровой идентификации и, соответственно, должны фиксироваться в структуре метаданных.

⁵ Здесь и далее выделено нами. – Н.Т., К.Б.

Цель исследования состоит в экспериментальной верификации жанровой релевантности отдельных параметров речевого произведения и обосновании принципов их включения в параметрическую модель базы данных ЕПР. В настоящей работе основное внимание сосредоточено на внешних характеристиках письменного знака – субстрате, орудии и способе его материально-графической реализации – и их влиянии на жанровое распознавание текста адресатом. Изолированное описание признаков исследователем не позволяет установить, являются ли они реально действующими компонентами жанровой модели или лишь сопутствующими характеристиками конкретного источника. Для верификации их диагностической значимости необходимо обратиться к ситуациям контролируемого рассогласования отдельных параметров речевого произведения и проследить, приводит ли подобный семиотический диссонанс к смене его жанровой интерпретации. Соответственно, эксперимент строился на предъявлении реципиентам речевых произведений, в которых вербально-семантические признаки потенциального жанра сохранялись, тогда как их внешняя материальная реализация в различной степени расходилась с прототипическим жанровым паттерном. Данная процедура позволяла установить, сохраняет ли реципиент каноническую жанровую квалификацию (детерминированную семантикой самого высказывания) при его размещении на атипичном носителе, либо особенности субстрата, орудия и способа исполнения оказываются определяющими для переинтерпретации коммуникативной интенции, образа автора и жанрового статуса текста. Тем самым эксперимент выступает не только как способ получения реакций информантов, но и как инструмент верификации параметрической модели жанра. Его результаты позволяют определить, какие характеристики речевого произведения обладают реальной диагностической значимостью и должны учитываться при жанровой паспортизации источников, формировании базы данных ЕПР и последующей разработке принципов жанровой разметки корпуса.

В корпусную выборку интегрируются прежде всего те эго-документы, которые способны репрезентировать жанр на уровне его структурно-семантического инварианта. Понятие «эго-документ», введенное в научный оборот Ж. Прессером [Presser, 1958] и концептуализированное в источниковедческих трудах А. Баггерман, Р. Деккера [Баггерман, 2019] и Ю. П. Зарецкого [Зарецкий, 2021], интерпретируется нами в расширительном значении – как репрезентативный массив персонифицированных письменных источников. Данный класс объединяет как традиционные эго-документы (дневники, мемуары, личный эпистолярный), так и спонтанные произведения естественной письменной речи (бытовые записки, рецепты, маргиналии, элементы бытовой графики), в которых

индивидуальный практический опыт автора, его коммуникативные интенции и специфика выбранного материального субстрата получают эксплицитное языковое выражение. Таким образом, критерий жанровой репрезентативности выступает методологическим медиатором между источниковедческой паспортизацией и корпусно-теоретическим моделированием: он жестко детерминирует правила отбора материала, параметры его алгоритмической разметки и основания для последующей **математико-статистической типологизации экспериментальных данных в «Корпусе русской естественной письменной речи»**. В разрабатываемой нами концепции «жанрового источниковедения»⁶ «паспорт» речевого произведения проектируется как многомерная параметрическая матрица, фиксирующая его жанровую идентичность (атрибуцию). Компоненты этой матрицы формируются на основе *ситуативного субстрата*⁷ – материального носителя письменного речевого произведения, включённого в структуру коммуникативной ситуации и обладающего собственным семиотическим потенциалом. Ситуативный субстрат определяет характер интеграции текста в макродискурсивный контекст, объединяя в синкретичную структуру прагматические установки автора, интенциональное поле участников и социорольевые параметры коммуникативного акта. Благодаря этому исследовательская процедура выходит за рамки линейно-языкового описания: фокус внимания смещается на экспликацию семантической и прагматической спецификации текста в условиях его реального функционирования, что позволяет объективировать его подлинный коммуникативный статус. В отсутствие формализованных критериев атрибуция письменных источников в исследовательско-архивной практике нередко опирается на интуитивные пресуппозиции лингвиста, который субъективно проецирует на эмпирический материал собственную ментальную модель жанрового инварианта. Стремясь преодолеть данный субъективизм и перевести жанровый анализ в доказательную плоскость, мы разработали экспериментальную методику, направленную на экспликацию объективных когнитивных алгоритмов жанрового распознавания.

⁶ Термин «**жанровое источниковедение**» вводится нами для обозначения разрабатываемого направления речевого жанроведения, предметом которого является изучение источника с точки зрения его жанровой репрезентативности и верификации жанрово значимых признаков. Методологически данный подход опирается на традицию лингвистического источниковедения, представленную классическими положениями С. И. Коткова [Котков, 1980]. Идеи С. И. Коткова получили развитие применительно к региональным письменным источникам в трудах О. И. Блиновой [Блинова, 1984] и историческим источникам в работах Л. И. Шелеповой [Шелепова, 2001]. Разработанные в рамках этого направления принципы комплексного анализа письменного источника позволяют рассматривать его не только как носитель языковых данных, но и как материально и ситуативно обусловленный объект.

⁷ Курсив здесь и далее наш. – Н.Т., К.Б.

Эмпирической базой для экспериментальной проверки параметрической модели жанровой разметки послужили фонды Архива естественной письменной речи Алтайского государственного педагогического университета (АлтГПУ). Репрезентативная выборка составила более 800+ единиц хранения (рукописных и цифровых эго-документов). Данное собрание аккумулирует аутентичные памятники обиходной письменности, созданные в условиях спонтанной коммуникации без установки на языковую рефлексию: личные письма, открытки, бытовые записки, альбомные и дневниковые записи, а также материалы виртуального дискурса (переписку в мессенджерах). Анализ такого материала позволяет верифицировать структуру речевых жанров в их естественном, спонтанном функционировании.

Методология исследования. Эмпирическим импульсом исследования послужили когнитивные стратегии жанровой атрибуции и феномен жанровой омонимии (*термин выдвинут нами для описания речевых произведений, материальная форма и линейная структура которых инвариантны сразу для нескольких жанровых систем*). Несмотря на то, что в классической лингвистике речевой жанр определяется как относительно устойчивый тип высказывания [Бахтин, 1996], отсутствие унифицированной метаметодологической платформы оставляет открытым вопрос о природе жанровой неоднозначности пограничных текстов. Для детального анализа нами были отобраны наиболее показательные случаи таких расхождений, представляющие собой феномен жанровой омонимии. С целью верификации гипотезы о роли когнитивных стратегий в процессах жанрового распознавания нами был проведен направленный лингвистический эксперимент. Его ключевая задача заключалась в выявлении ментальных доминант – параметров жанрового паспорта, на которые интуитивно или эксплицитно опираются информанты с различным уровнем лингвистической подготовки: носители обыденного языкового сознания (взрослые респонденты различных нефилологических профессий, отдельную группу составили студенты нефилологических направлений вузов Барнаула и Бийска) и профессиональные лингвисты-эксперты. Направленный лингвистический эксперимент призван решить ключевую гносеологическую задачу – выявить закономерности жанрового распознавания текстов в ситуациях, когда их материальный субстрат и вербальная организация вступают в прагматическое противоречие (феномен жанровой омонимии). Эмпирическую базу этой части верификационного исследования составили аутентичные речевые произведения (граффити, бытовые объявления, рекламные сообщения), зафиксированные на различных типах поверхностей. Эксперимент направлен на верификацию степени зависимости жанровой идентификации источника и его

160

функционально-дискурсивного типа (информативного, гедонистического или императивного) от следующей триады переменных: а) физико-технических характеристик материального субстрата (бумага vs «небумага» (бетон, дерево, лист железа и др.) vs цифровой экран); б) орудия (графического: маркер, мел, ручка, краска vs цифрового: интерфейсы ввода); в) степени спонтанности текстовой реализации (нормативно-оформленный текст vs узуально-спонтанное речевое произведение).

Исходная методологическая гипотеза исследования заключается в том, что материальный субстрат (физический носитель) и способ графической или цифровой фиксации высказывания выступают релевантными экстралингвистическими факторами, определяющими жанровую дифференциацию речевых произведений, и могут квалифицироваться как их дифференциальные признаки. В соответствии с каноническими концепциями жанроведения [Бахтин, 1996; Вежицкая, 1997; Дементьев, 2010; Шмелева, 1997] доминирующим жанрообразующим паттерном традиционно признается коммуникативная интенция адресанта – его целевая прагматическая установка и иллокутивная сила высказывания. Адресат осуществляет перцептивно-когнитивную деятельность по декодированию этой интенции, на основании чего и определяет жанровую принадлежность сообщения. В связи с этим экспериментальная процедура была подчинена интенциональному принципу: участникам предлагалось квалифицировать жанровый статус источников, реконструируя предполагаемую интенциональную установку автора и определяя вектор его прагматического воздействия.

Импульсом к проведению эксперимента послужила неоднозначность интерпретации малых текстов со сложной (омонимичной) визуально-пространственной организацией. Для описания данного феномена мы осознанно разграничиваем понятия «*композиция*» и «*архитектоника*». Если композиция в традиционном лингвистическом понимании отражает внутреннее членение текста на содержательно-структурные компоненты, то архитектоника в нашей концепции определяет его внешнее, коммуникативно-формальное построение: объем, пространственную локализацию, тип материального носителя, а также особенности графико-пространственного и поликодового (креолизованного) оформления. Архитектоника формирует первичную интерпретационную сетку – **архитектонический жанровый фрейм**, который предписывает конкретные когнитивные операции при интерпретации жанровой семантики. В этой связи мы разделяем *имманентную текстовую семантику* (линейное значение слов) и *жанровую семантику* (значение, задаваемое внешней формой и узуальной матрицей).

Наглядным примером работы архитектурных фреймов служит жанр бытовой открытки-поздравления⁸: Фрейм 1 (Субстратный): плотный плоский носитель (картонный лист определенной формы); Фрейм 2 (Изобразительный / Креолизованный): наличие праздничной атрибутики (рисунок цветов, торта, подарков, шариков и др.); Фрейм 3 (Графический): нестандартный для обычного письма шрифт, цветовые акценты; Фрейм 4 (Пространственно-композиционный): центрирование текста, короткие строки обращения и финальной подписи, выравнивание блоков не от края до края. Данный комплекс фреймов первично настраивает адресата на восприятие текста как поздравительного еще до прочтения. Показательно, что при экспериментальной генерации поздравительной открытки с помощью искусственного интеллекта (без детального промптинга) модель (GoogleGemini, промпт: «на фоне должны быть разложенные открытки, отрывки из дневника, письма») воспроизвела субстратно-изобразительные фреймы (цветы, декоративная надпись в углу), но не сформировала жесткую текстовую архитектуру речевого акта письменного поздравления (визуальное выделение обращения, праздничной формулы и подписи). Полученные данные экспериментально подтверждают, что восприятие субстрата и архитектуры носит первичный, автоматизированный когнитивный характер: оно опережает глубокий семантический анализ, актуализируя типовой сценарий жанровой рецепции и активируя ментальный фрейм (жанровую матрицу), который задает интерпретационное поле для вербального содержания.

Методика эксперимента. Подготовительный этап: моделирование оппозиций архитектурных атрибутов ЕПР. На подготовительном этапе был проведен дифференциальный анализ эмпирического массива ЕПР (в объеме более 500 единиц). Это позволило выявить жанроспецифические комплексы архитектурных атрибутов, присущие различным типам эго-документов, и выстроить систему их архитектурных оппозиций. Из архива ЕПР и массива письменных артефактов городского коммуникативного пространства были отобраны речевые произведения, характеризующиеся выраженной жанровой омонимией и коллизионностью атрибуции. В качестве стимульного материала в эксперименте выступали тексты, зафиксированные на атипичных субстратах: надпись на воротах гаража «*Продается гараж (номер телефона)*»; надпись на парте в АлтГТУ «*Маникюр (номер телефона) ТГ дешево*»; надпись на спинке сиденья в общественном транспорте «*Все за ЗОЖ!!*». Выбор данных речевых произведений продиктован их промежуточным, диффузным статусом. По своему линейно-языковому

⁸ Подчеркнуто здесь и далее нами. – Н.Т., К.Б.

содержанию, тематике и прагматике они совпадают со стандартными интенциональными жанрами объявления, рекламы, лозунга. В то же время особенности носителя, орудия и способа нанесения создают основания для квалификации данных объектов как разновидностей граффити – бытовых, студенческих или общественных, – несмотря на возможное соответствие их вербального содержания иной жанровой модели. Возникает принципиальный вопрос: какова жанровая квалификация этих текстов рядовыми носителями языка? Если бы аналогичное содержание («Продается гараж», «Маникюр ТГ дешево», «Все за ЗОЖ!!») было размещено на стандартном баннере или бумажном бланке, оно воспринималось бы однозначно как объявление, реклама / социальная реклама. Но меняет ли нетрадиционный субстрат прагматику высказывания, превращая его в граффити-перформанс?

В основу проекта экспериментальной методики положен синтез коммуникативно-семиотического подхода Н. Б. Лебедевой [Лебедева, 2001], в рамках которого выделяется субстрат как жанровый фрейм, и фреймово-сценарного моделирования жанров [Дементьев, 2010; Седов, 2002; Федосюк, 1997, Лебедева, 2021]. Вслед за сторонниками когнитивного подхода в жанроведении мы разделяем представление о том, что признаки речевого жанра представляют собой динамические сценарии, задающие систему функционально-семантических позиций (слотов). В нашей концепции орудие письма, гарнитура (типографическая) шрифта и материальный субстрат трактуются не как внешние технические условия, а как динамические фреймы-сценарии, моделирующие коммуникативную ситуацию в ретроспективном (что предшествовало созданию текста) и перспективном (какова ожидаемая реакция адресата) измерениях.

В основу эксперимента положена гипотеза: если субстрат, орудие и шрифт наполнены имманентным жанровым содержанием, то реакция носителей языка на варьирование этих параметров позволит выявить объективный алгоритм жанрового распознавания. По каноническому сценарию институциональное *объявление* ориентировано на прагматический отклик адресата (получение услуги, совершение покупки). Однако если то же объявление воспроизводится на нетипичном субстрате (на парте или сиденье автобуса) с помощью графического инструмента (маркера или ручки), оно активирует иной когнитивный фрейм – фрейм «бытового» граффити. Этот фрейм актуализирует специфические прагматические установки (игровую, вандальную, девиантную) и запускает ироническую или провокативную тональность восприятия. В этом случае ожидаемая реакция адресата смещается от целевого прагматического действия к эмотивно-оценочному

отклику (улыбка, осуждение, игнорирование, иронический ответный комментарий). Согласно нашей гипотезе, именно смена или сохранение прагматического сценария у респондентов служит ключевым индикатором жанрообразующего потенциала материального субстрата. Для выявления глубинной семантической структуры ментальной модели жанра был применен метод семантических примитивов А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1997], предполагающий моделирование жанров посредством элементарных иллокутивных формул (типа «*Я хочу, чтобы...*») и базовых семантических примитивов («*продать*», «*поиграть*», «*заявить*»). Данный подход позволяет сделать процедуру экспликации интуитивных жанровых представлений когнитивно прозрачной для информантов и методологически строгой. В рамках привлеченной методологии жанр трактуется как ментальный концепт, эксплицируемый через инвариантную когнитивную формулу – систему элементарных интенциональных суждений от первого лица в настоящем времени («*я хочу*», «*я говорю*», «*я думаю*»).

В ходе экспериментального исследования информантам демонстрировались визуальные репрезентации письменных источников ЕПР (фотографии бытовых объявлений, граффити, маргинальных уличных надписей) с задачей реконструировать целевую прагматическую установку адресанта. Использование этой процедурной рамки принципиально важно для нашего исследования: необходимость построения толкования в терминах семантических примитивов побуждает информанта преодолевать автоматизм восприятия, осознавать латентные признаки жанровой омонимии и эксплицировать свои индивидуальные когнитивные стратегии. На этом этапе эксперимента были зафиксированы и классифицированы эмпирические данные, позволившие верифицировать степень влияния субстратных и архитектурных факторов на вектор жанровой интерпретации.

Результаты исследования

Ход эксперимента. Процедура экспериментального исследования реализовывалась в два последовательных этапа: 1) выявление доминантной интенции и 2) рефлексивная верификация жанровых границ. На первом этапе перед информантами ставилась задача определить (идентифицировать) интенциональную направленность текста с помощью незавершенного предложения-стимула: «*Тот, кто написал это, хотел...*». Чтобы минимизировать терминологическое давление и снять эффект формального (академического) опроса, варианты ответов были сформулированы на естественном обиходном языке с применением элементарных иллокутивных глаголов-дескрипторов. Такой выбор опирается на прагматический метаязык А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1999], позволяющий репрезентировать конкретные интенциональные действия через простые понятийные

инварианты. Опора на глагольные предикаты обеспечила актуализацию динамической прагматики текста и коммуникативной установки автора в обход статических жанровых ярлыков (номинаций). Наиболее сложной задачей выступала экспликация жанровой номинации (второй этап). В процессе разработки и валидации экспериментального инструментария прямой вопрос («*К какому жанру относится текст?*») был отвергнут: применение термина «жанр» выводило информанта из естественной коммуникативной позиции и искажало рецепцию. В итоговую процедуру опроса вошла косвенная формулировка, апеллирующая к поверхностно-функциональным признакам: «*То, как и где это написано, обычно называют...*». Полученные реакции респондентов дифференцировались по трем направлениям: прямая номинация (канонический фрейм), атрибутивно-модифицированная номинация (гибридный статус и диссонанс) и оценочно-дискредитирующая номинация (квалификация надписи как объекта вандального письма, подлежащего негативной социальной оценке). Наблюдение за спонтанными реакциями респондентов на стадии пилотажного опроса показало, что их свободные высказывания уже содержали имплицитную жанровую атрибуцию. Характеризуя автора, его интенцию, способ исполнения надписи и достоверность сообщения, информанты фактически реконструировали соответствующую коммуникативную модель. Дальнейший анализ строился на совокупности параметров жанровой интерпретации, эксплицированных в суждениях респондентов, а не на поиске прямой жанровой номинации. Инструментарий исследования включал две формы: полуструктурированное устное интервью и письменное анкетирование (онлайн-опрос). В устной форме для установления доверительного контакта и создания естественной коммуникативной ситуации допускалось обращение на «ты». В письменной форме формулировки были стандартизированы. Стимульные задания моделировали речевую ситуацию с опорой на контекст и локализацию надписи (парты, стены, гаражи, сиденья транспорта)⁹. Попытка ввести прямую жанровую номинацию («Как бы вы назвали эту надпись?») была исключена из итогового инструментария ввиду её высокой метаязыковой сложности для информантов.

⁹ Все частные вопросы (про гараж, маникюр, ЗОЖ, сиденья) сводятся к трем базовым инвариантным блокам в зависимости от наличия коммерческого призыва: Паспортная часть (для всех форм): пол, возраст, род занятий / профессия; Блок 1. Прагматический потенциал (для записей с услугой/ контактом): формулировка: «*Воспользовались бы вы указанным контактом / услугой при возникновении реальной потребности в ней в данной ситуации?*»; Блок 2. Атрибуция автора и интенции (для всех записей): формулировка: «*Кто, по вашему мнению, является автором этой записи и с какой целью она была сделана?*»; Блок 3. Рефлексивно-оценочный блок (для некоммерческих надписей: ЗОЖ, сиденья): формулировка: «*Какова ваша реакция на эту запись? Что вы думаете о её содержании и уместности?*».

Такая методика «коммуникативного погружения» снимала метаязыковой барьер и провоцировала естественную цепочку рефлексии. Часто один ситуативный вопрос о готовности к действию («*Станешь ли звонить?*») автоматически запускал спонтанный процесс автороведческой и жанровой атрибуции. Важным прагматическим индикатором жанровой квалификации выступала поведенческая интерпретация: оценки информантов анализировались через призму моделирования реального или гипотетического коммуникативного шага (в частности, ответа на вопрос о готовности совершить звонок по указанному в надписи номеру телефона). В данном случае проверялись прагматический потенциал высказывания и его потенциальный перлокутивный эффект. Интерпретация текста как «объявления» демонстрировала устойчивую корреляцию с готовностью информантов вступить в прагматическое взаимодействие (совершить звонок для получения товара или услуги). Особый научный интерес представляют специфические реакции информантов на вопрос: «*Кто и зачем это написал?*», при сохранении осознания формы объявления (например: «*От нечего делать написал*»; «*Когда номер написан на ржавом гараже в глуши, это сразу наводит на мысль, что хозяин ненормальный или маньяк*»; «*Не стала бы звонить, даже если очень нужен гараж, неизвестно кто выйдет его показывать*»; «*ХЗ¹⁰, похоже не один чел, нефиг делать*»). В данных случаях отрицательный поведенческий маркер («*не позвоню*») детерминирован не столько отсутствием распознавания формы объявления, сколько негативной социокультурной и психологической атрибуцией автора («*неадекват*», «*маньяк*», «*мошенник*»). С точки зрения теории речевых жанров подобные реактивные интерпретации свидетельствуют о смещении жанрового фрейма: исследуемые надписи воспринимаются информантами не в качестве традиционного городского граффити, а в рамках прагматической модели «коммуникативной провокации» («мошенничества»). Напротив, положительный поведенческий маркер («*позвонил бы*») обусловлен канонической атрибуцией образа автора, характерной для сферы объявлений («*владелец гаража*»; «*владелец, но не точно*»; «*на первый взгляд, владелец...*»; «*тот, кто хочет продать гараж*»). Прагматическая специфика анализируемых текстов строится на механизме структурно-семиотического подлога: внешняя форма канонического жанра (объявления) наполняется деструктивным прагматическим содержанием (введение в заблуждение, коммуникативная провокация). В парадигме теории речевых жанров смена первичной интенции (переход от информирования к обману) ведет к деформации канонической модели и форми-

¹⁰ Графический акроним ХЗ (в значении эпистемического отрицания: «никто не знает» / «неизвестно») ... Орфография, пунктуация и графическое оформление письменных ответов информантов сохранены в авторской редакции (без исправлений).

рованию «жанра-симулякра» (квази-объявления). Несоответствие между внешней жанровой формой и реальной интенцией автора вводит адресата в состояние коммуникативного замешательства и трансформирует его поведенческую стратегию. Для нашего исследования ключевым является то, что реципиент на основе автороведческой оценки и маркирования визуально-физических параметров субстрата относит данный стимул к категории «не-объявления» (или «девиантного объявления»). Это подтверждает гипотезу о деструктивном влиянии не просто атипичного носителя как такового, но всей совокупности его физико-пространственных характеристик (состояние поверхности, графическая небрежность, изолированность локации) на каноническую жанровую рецепцию.

Общий объём выборки составил 175 респондентов ($N = 175$)¹¹. При объединении всех экспериментальных групп наиболее неоднозначным стимулом оказался «Гараж». Среди 175 ответов 96 раз была зафиксирована квалификация надписи как граффити, что составляет 54,9% общей выборки, и 84 раза – как объявления, что составляет 48,0%. Суммарное значение – 102,9% – превышает 100% вследствие наличия двойных квалификаций. Для стимула «Маникюр» распределение значительно менее вариативно: 153 квалификации как граффити

¹¹ В состав выборки вошли 52 студента: 27 мужчин и 25 женщин; 52 представителя внешней институционально ориентированной социoproфессиональной группы (ВИ); 25 мужчин и 27 женщин; 47 представителей внешней узуально ориентированной группы (ВУ); 20 мужчин и 27 женщин; 24 реципиента старшей возрастной группы: 10 мужчин и 14 женщин. При подсчёте числа участников необходимо разграничивать количество реципиентов и количество зафиксированных жанровых квалификаций. В ряде случаев один и тот же реципиент относил предъявленный объект одновременно к двум категориям – «граффити» и «объявление». Такие случаи фиксировались как двойные ответы, однако не увеличивали число участников эксперимента. В частности, десять зафиксированных голосов в пользу квалификации «объявление» являлись дополнительными квалификациями тех же реципиентов, которые одновременно допускали квалификацию соответствующего объекта как граффити. Следовательно, они учитываются при анализе жанровых реакций, но не прибавляются к N. Для вычисления доли каждой квалификации использовалась формула: $P = n / N_i \times 100\%$, где P – процент реципиентов, давших соответствующую квалификацию; n – число зафиксированных квалификаций данного типа; N_i – численность соответствующей анализируемой группы. При наличии двойных квалификаций сумма процентов в пределах одного стимула может превышать 100%. Такое превышение не является статистической ошибкой, поскольку категории «граффити» и «объявление» в данном случае не являются взаимоисключающими ответами. Напротив, сам факт их совмещения рассматривается как экспериментально значимый показатель неоднозначности жанровой категоризации. Поскольку для части стимулов количество зафиксированных квалификаций меньше общей численности соответствующей группы, оставшуюся долю нельзя автоматически интерпретировать как выбор противоположной категории. Такие случаи корректнее обозначать как отсутствие зафиксированной однозначной квалификации в имеющемся массиве данных. Это особенно существенно для группы ВИ-мужчин при оценке «Маникюра» и «ЗОЖ», а также для женщин старшей возрастной группы.

(87,4%) и 7 квалификаций как объявления (4,0%). Наиболее устойчивой оказалась рецепция стимула «ЗОЖ»: 166 квалификаций как граффити (94,9%) и ни одной квалификации как социальной рекламы. Таким образом, три предъявленных объекта иллюстрируют своеобразную шкалу жанровой определённости. «ЗОЖ» находится на полюсе практически однозначной интерпретации как граффити; «Маникюр» также преимущественно относится к граффити, хотя сохраняет возможность интерпретации как объявления; «Гараж», напротив, занимает пограничное положение и актуализирует конкурирующие жанровые модели практически в равной степени (соотношение основных жанровых квалификаций трёх экспериментальных стимулов: «Гараж»: граффити – 54,9%; объявление – 48,0%; «Маникюр»: граффити – 87,4%; объявление – 4,0%; «ЗОЖ»: граффити – 94,9%; социальная реклама – 0%). Полученные данные позволяют предположить, что степень жанровой определённости письменного знака зависит не только от его вербального содержания. При практически одинаковой возможности распознать сам факт письменной коммуникации три объекта вызывают существенно различающиеся стратегии категоризации. Следовательно, **жанровая рецепция носит комплексный характер и определяется совокупностью факторов: содержанием сообщения, его визуально-графическим исполнением (включая технику нанесения), материальным носителем, пространственной локализацией и реконструируемым коммуникативным контекстом.**

Социально-демографическая вариативность восприятия стимула «Гараж». Наиболее показательным для анализа межгрупповых различий оказался стимул «Гараж». Именно здесь выявлена максимальная вариативность жанровых решений. При объединении мужских и женских ответов внутри социальных групп получены следующие результаты. Среди студентов (N = 52) квалификация «граффити» была зафиксирована у 32 реципиентов (61,5%), квалификация «объявление» – у 20 (38,5%). В группе ВИ¹² (N = 52) обе квалификации получили

¹² Для предотвращения смешения социологических и прагмалингвистических категорий в исследовании разводятся понятия **внешней (социальной)** и **внутренней (коммуникативной)** лояльности: **внешний институциональный лоялист (ВИ-лоялист)** – информант, выделяемый по внешним социопрофессиональным признакам (руководители, педагоги, госслужащие, медицинские работники высшего звена). Их профессиональная деятельность требует ежедневного воспроизводства кодифицированных норм и жесткого соблюдения институционального порядка. **Внешний узальный лоялист (ВУ-лоялист)** – информант, принадлежащий к социальным группам, не связанным обязательной кодификацией речи в повседневном трудовом процессе (рабочие специальности, сфера сервиса и т. д.). Данная общность опирается на естественную узальную норму, где практическая целесообразность первична по отношению к форме. При совпадении внешних социопрофессиональных характеристик с реальной коммуникативной стратегией информанта в ходе эксперимента мы переходим к категориям **коммуникативного типа: И-лоялист** («носитель институционально-канонического языкового сознания»/«страж нормы») и **У-лоялист** («Носитель узально-естественного языкового сознания»).

по 28 фиксаций, то есть по 53,8 %. Превышение общей суммы 100% обусловлено двойными ответами. В группе ВУ (N = 47) соотношение оказалось иным: «граффити» – 17 квалификаций (36,2%), «объявление» – 30 (63,8%). В старшей возрастной группе (N = 24) преобладала квалификация «граффити»: 19 случаев (79,2%) против 6 квалификаций «объявление» (25,0%). Таким образом, именно группа ВУ демонстрирует наиболее выраженную ориентацию на интерпретацию стимула «Гараж» как объявления, тогда как у представителей старшей возрастной группы преобладает его категоризация как граффити. Группа ВИ в совокупном распределении занимает промежуточное положение, однако это усреднение скрывает чрезвычайно существенные гендерные различия.

Гендерная вариативность. Особенно заметным результатом эксперимента является различие мужских и женских реакций внутри ряда групп. Среди студентов-мужчин «Гараж» квалифицировали как объявление 74,1%, как граффити – только 25,9%. У студенток наблюдается противоположная картина: все 25 женщин (100%) квалифицировали объект как граффити, а квалификация «объявление» не была зафиксирована ни разу. Аналогичная поляризация наблюдается во внешней институциональной группе. Среди мужчин ВИ квалификация «объявление» зафиксирована в 23 случаях из 25 (92,0%), а «граффити» – в 5 (20,0%). Среди женщин ВИ, напротив, 23 из 27 (85,2%) квалифицировали стимул как граффити и только 5 (18,5%) – как объявление. Совершенно иная конфигурация обнаруживается в группе ВУ. Здесь мужские и женские реакции практически совпадают: «Гараж» квалифицировали как объявление 65,0% мужчин и 63,0 % женщин, а как граффити – соответственно 35,0% и 37,0%. Таким образом, в данной социальной группе гендерный фактор практически не влияет на общую направленность жанровой интерпретации. В старшей возрастной группе вновь преобладает квалификация «граффити»: у 90,0% мужчин и 71,4% женщин. Полученная конфигурация не позволяет свести жанровую рецепцию непосредственно ни к полу, ни к возрасту, ни к социопрофессиональной принадлежности. Напротив, результаты указывают на сложное взаимодействие нескольких характеристик реципиента. Особенно показательно, что сильная гендерная поляризация студентов и ВИ практически исчезает в группе ВУ. Особое значение эти результаты приобретают при разграничении внешней социопрофессиональной принадлежности и внутреннего коммуникативного типа. Категории ВИ и ВУ задаются до проведения эксперимента и характеризуют социально-профессиональную среду информанта. Напротив, категории И-лоялиста и У-лоялиста должны устанавливаться на основании непосредственно наблюдаемой коммуникативной стратегии. Соответственно, сами по себе результаты бинарной номинации «граффити /

объявление» не позволяют автоматически отождествить ВИ с И-типом, а ВУ – с У-типом. Более того, полученные данные показывают, что такое автоматическое соответствие отсутствует. Например, 92% мужчин ВИ квалифицируют «Гараж» как объявление, тогда как 85,2% женщин той же внешней социофессиональной группы квалифицируют его как граффити. Именно поэтому при выделении внутреннего коммуникативного типа необходимо учитывать не отдельный номинативный ответ, а совокупность экспериментальных реакций.

Основная задача эксперимента заключалась в выявлении того, какую коммуникативную ситуацию реконструирует реципиент при восприятии письменного знака. Отвечая на дополнительные вопросы, реципиент реконструирует образы автора, адресата, цель высказывания, обстоятельства его создания, пространственную локализацию и предполагаемое последующее действие адресата. Иными словами, он фактически заполняет ситуативные слоты жанровой модели. В связи с этим экспериментально значимым является не только ответ «граффити» или «объявление», но и характер его получения. Пауза перед ответом, колебание между двумя вариантами, последовательная смена квалификации, попытка объяснить выбор необычного материального носителя, негативная оценка автора, отказ совершить предполагаемое целевое действие либо, напротив, готовность воспользоваться содержащейся в тексте информацией рассматриваются как самостоятельные показатели процесса жанровой рецепции.

Анализ результатов эксперимента: установление роли субстрата, орудия и способа исполнения в жанровой рецепции. Исходная гипотеза эксперимента состояла в том, что субстрат, орудие и способ материальной реализации письменного знака входят в комплекс паттернов речевого произведения и участвуют в его жанровом распознавании. Экспериментальная ситуация создавала конфликт между семантико-прагматическими признаками речевого произведения и его субстратно-графическими характеристиками. Как было показано выше, особенно показательным в этом отношении оказался стимул «*Продаётся гараж*». Его содержание эксплицитно выражает интенцию продажи и тем самым непосредственно соотносится с жанровой моделью объявления. Не является атипичным и сам субстрат: объявления о продаже гаража действительно могут размещаться непосредственно на продаваемом объекте. Однако способ исполнения надписи, её графическая организация и использование мела отклоняются от прототипической формы коммерческого объявления. В результате реципиент сталкивается с конфликтом жанровых сигналов: диктум и коммуникативная цель ориентируют его на объявление, тогда как способ материально-графической реализации актуализирует признаки граффити. Именно этот стимул продемонстрировал

наибольшую вариативность ответов: квалификация «граффити» была зафиксирована в 54,9 % случаев, «объявление» – в 48,0%.

Анализ развернутых комментариев показывает, что бинарная номинация «граффити / объявление» не отражает всю сложность жанрового распознавания. Например, значима институциональная стратегия (дефицит «жанрового доверия»): ряд респондентов (женщины ВИ-группы, студентки) декодируют интенцию объявления, но отвергают атипичный способ её реализации (*«Если бы искала гараж и увидела такое объявление, то не стала бы звонить, потому что выглядит как развод или перекуп, лучше бы нашла через соцсети»; «Звонить бы не стала, т. к. для этого нужно развешивать объявления <...> либо на сайте объявление скинуть»; «Лично я воспринимаю надписи на сиденьях, гаражах как вандализм <...> я бы не стала звонить по телефону, написанному вот в таком формате на гараже»*). У представителей старшей группы негативная оценка пространства сосуществует с готовностью к действию (*«Скорее всего, возле этого гаража наркоманы бывают, но я бы поверила и позвонила»*). Реакция «не стал(а) бы звонить» свидетельствует не о нераспознавании жанра, а о кризисе «жанрового доверия» из-за нарушения материально-графического паттерна. Не менее значима узуальная стратегия (контекстуализация) – мужчины (ВИ, ВУ, студенты) и женщины ВУ допускают ситуативную мотивацию отклонения от прототипа (*«Скорее дешёвый такой гараж и в плохом состоянии, и поэтому подешевле»*). Узуальная установка не отменяет жанровую модель, если атипичность формы получает рациональное объяснение в контексте. Рецепция стимула «Маникюр»: реконфигурация жанровых слотов. Несоответствие субстрата (парта) и графики канону привело к тому, что 87,4% квалифицировали текст как граффити и лишь 4,0% – как объявление. При этом коммерческая интенция часто фиксируется, но оценивается критически: высказывается предположение, что мастер *«только начинающий»*, а маникюр *«будет некачественным»* (*«Кому нужен этот маникюр на парте? Не вызывает доверия <...> если нет денег на нормальную рекламу, тем более даже написать аккуратно не смогла, как она тогда ногти делать собралась?»*). При доминировании субстратно-графических признаков происходят дискредитация автора и смена интерпретативного фрейма (с коммерческого на игровой): *«Просто какая-то шняга нацарапана. Сто процентов это шутка»; «Моё мнение, это просто написала молодёжь, которой нечем было заняться на уроке»; «Этому объявлению я бы не поверил, так как мне кажется, что это подростки стебались»*. Следовательно, атипичные материальные параметры текста способны перестраивать весь комплекс жанровых слотов: образ автора, образ адресата, цель и коммуникативную ситуацию.

Таким образом, результаты эксперимента не дают оснований свести действие исследуемых параметров к простой формуле «форма пересиливает содержание». Полученные реакции свидетельствуют о более сложном механизме. Содержание, субстрат, орудие и способ исполнения функционируют как взаимодействующие признаки жанрового распознавания, причём конфликт между ними может разрешаться реципиентами различными способами. В одном случае семантико-прагматическая информация оказывается достаточной для сохранения исходной жанровой модели, в другом нестандартная материальная реализация снижает доверие к сообщению, не разрушая распознавания его интенции, в третьем субстратно-графические признаки приводят к смене реконструируемого автора, цели и, в конечном счёте, жанровой квалификации. Именно последнее обстоятельство представляет основной аргумент в пользу исходной гипотезы. Если бы субстрат, орудие и способ исполнения являлись лишь внешними, жанрово нерелевантными характеристиками письменного текста, их изменение не должно было бы систематически влиять на реконструкцию жанра при сохранении вербального содержания и распознаваемой коммуникативной интенции. Между тем эксперимент показывает, что несоответствие этих параметров прототипической жанровой модели вызывает колебания, двойные квалификации, снижение доверия, отказ от предусмотренного жанром действия, изменение Образа Автора и альтернативную реконструкцию коммуникативной ситуации.

Следовательно, полученные данные дают основания рассматривать **субстрат, орудие и способ материально-графической реализации** не как факкультативное внешнее окружение речевого произведения, а как **потенциально жанрово релевантные признаки, участвующие в процессе его когнитивно-прагматического распознавания**. При этом степень их значимости не является абсолютной: она зависит как от конфигурации самого стимула, так и от рецептивной стратегии конкретного информанта.

Вопрос о социолингвистической обусловленности относительного веса отдельных жанровых признаков представляет собой самостоятельную исследовательскую проблему и ввиду ограниченного объёма настоящей статьи остается за пределами данного исследования. Выявленные в ходе эксперимента межгрупповые различия будут рассмотрены в отдельной работе, посвящённой социолингвистической вариативности жанровой рецепции.

Заключение

Указанный методологический ракурс позволяет уточнить принципы жанроведческой герменевтики: жанровая информация не исчерпывается линейно-

языковой формой, а формируется во взаимодействии вербальных, субстратно-орудийных, ситуативно-дискурсивных, социокультурных и интенциональных параметров. В связи с этим тождественные по языковой форме высказывания в разных условиях функционирования могут актуализировать различные жанровые модели, а материальные характеристики носителя – непосредственно влиять на реконструкцию авторской интенции и прагматического потенциала текста.

Соответственно, верификация жанрового источника предполагает комплексный анализ его материальной формы, коммуникативной ситуации, социокультурного контекста и дискурсивной функции. Для Корпуса русской естественной письменной речи (КРЕПР) это означает необходимость фиксации наряду с языковыми характеристиками внешних и ситуативных параметров, участвующих в жанровом означивании. Тем самым жанровое источниковедение переходит от текстоцентрического описания к интегративной модели речевого произведения как единства вербальной формы, материального воплощения и коммуникативно-дискурсивного функционирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Баггерман, А.** Жак Прессер и традиция еврейской автобиографии в Нидерландах / А. Баггерман, Р. Деккер // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. – 2019. – №2 (124). – С. 238–256.
2. **Бахтин, М. М.** Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста / М. М. Бахтин // *Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов* / М. М. Бахтин. – Москва: Языки русской культуры, 1996. – С. 159–206.
3. **Блинова, О. И.** О предмете лингвистического источниковедения / О. И. Блинова // *Языки и топонимия Алтая: Межвузовский сборник научных трудов* / Редактор: И. А. Воробьева. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 1981. – С. 83–89.
4. **Вежбицкая, А.** Речевые жанры / А. Вежбицкая // *Жанры речи*. – Саратов: Колледж, 1997. – Вып. 1. – С. 99–112.
5. **Вежбицкая, А.** Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая [пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной]. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 776 с.
6. **Дементьев, В. В.** К проблеме интегрального описания речевых жанров / В. В. Дементьев // *Жанры речи*. – 2024. – Т. 19. – Вып. 1(41). – С. 6–22.
7. **Дементьев, В. В.** Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – Москва: Знак, 2010. – 600 с.

8. **Зарецкий, Ю. П.** Эго-документы советского времени: термины, историография, методология / Ю. П. Зарецкий // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2021. – №3 (137). – С. 184–199.

9. **Котков, С. И.** Лингвистическое источниковедение и история и русского языка / С. И. Котков. – Москва: Наука, 1980. – 294 с.

10. **Лебедева, Н. Б.** Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования / Н. Б. Лебедева // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. – 2001. – №1–2. – С. 4–10.

11. **Лебедева, Н. Б.** Жанры естественной письменной речи: Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка: монография / Н. Б. Лебедева, Е. Г. Зырянова, Н. Ю. Максимова (Плаксина), Н. И. Тюкаева. – Москва: КРАСАНД, 2021. – 256 с.

12. **Седов, К. Ф.** Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров / К. Ф. Седов // Жанры речи. Саратов: Колледж, 2002. – Вып. 3. – С. 40–52.

13. **Федосюк, М. Ю.** Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М. Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 102–120.

14. **Шелепова, Л. И.** Лингвистическое источниковедение в истории русского слова (к принципам лингвистического исследования) / Л. И. Шелепова // Известия алтайского государственного университета. – 2000. – №4 (18). – С. 101–104.

15. **Шмелева, Т. В.** Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : Колледж. 1997. – Вып. 1. – С. 88–98

16. **Presser, J.** Memoires als geschiedbron / J. Presser // Winkler Prins Encyclopedie. – Vol. VIII. – Amsterdam: Elsevier, 1958. – P. 208–210.

REFERENCES

1. **Baggerman, A.** Zhak Presser i traditsiya yevreyskoy avtobiografii v Niderlandakh / A. Baggerman, R. Dekker // Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture. – 2019. – №2 (124). – S. 238–256.

2. **Bakhtin, M. M.** Problema rechevykh zhanrov. Iz arkhivnykh zapisey k rabote «Problema rechevykh zhanrov». Problema teksta / M. M. Bakhtin // Sobr. soch.: v 5 t. T. 5. Raboty 1940-kh nachala 1960-kh godov / M. M. Bakhtin. – Moskva: Yazyki russkoy kul'tury, 1996. – S. 159–206.

3. **Blinova, O. I.** O predmete lingvisticheskogo istochnikovedeniya / O. I. Blinova // Yazyki i toponimiya Altaya: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov / Redaktor: I. A. Vorob'yeva. – Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy universitet, 1981. – S. 83–89.

4. **Vezhbitskaya, A.** Rechevye zhanry / A. Vezhbitskaya // Zhanry rechi. – Saratov: Kolledzh, 1997. – Vyp. 1. – S. 99–112.

5. **Vezhbitskaya, A.** Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov / A. Vezhbitskaya [per. s angl. A. D. Shmeleva pod red. T. V. Bulyginoy]. – Moskva: Yazyki russkoy kul'tury, 1999. – 776 s.
6. **Dement'yev, V. V.** K probleme integral'nogo opisaniya rechevykh zhanrov / V. V. Dement'yev // Zhanry rechi. – 2024. – T. 19. – Vyp. 1(41). – S. 6–22.
7. **Dement'yev, V. V.** Teoriya rechevykh zhanrov / V. V. Dement'yev. – Moskva: Znak, 2010. – 600 s.
8. **Zaretskiy, Yu. P.** Ego-dokumenty sovetskogo vremeni: terminy, istoriografiya, metodologiya / Yu. P. Zaretskiy // Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture. – 2021. – №3 (137). – S. 184–199.
9. **Kotkov, S. I.** Lingvisticheskoye istochnikovedeniye i istoriya i russkogo yazyka / S. I. Kotkov. – Moskva: Nauka, 1980. – 294 s.
10. **Lebedeva, N. B.** Yestestvennaya pis'mennaya russkaya rech' kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya / N. B. Lebedeva // Vestnik Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2001. – №1–2. – S. 4–10.
11. **Lebedeva, N. B.** Zhanry yestestvennoy pis'mennoy rechi: Studencheskoye graffiti, marginal'nyye stranitsy tetradey, chastnaya zapiska: monografiya / N. B. Lebedeva, E. G. Zyryanova, N. Yu. Maksimova (Plaksina), N. I. Tyukayeva. – Moskva: KRASAND, 2021. – 256 s.
12. **Sedov, K. F.** Psikholingvisticheskiye aspekty izucheniya rechevykh zhanrov / K. F. Sedov // Zhanry rechi. Saratov: Kolledzh, 2002. – Vyp. 3. – S. 40–52.
13. **Fedosyuk, M. Yu.** Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov / M. Yu. Fedosyuk // Voprosy yazykoznaniya. – 1997. – № 5. – S. 102–120.
14. **Shelepova, L. I.** Lingvisticheskoye istochnikovedeniye v istorii russkogo slova (k printsipam lingvoistochnikovedcheskogo issledovaniya) / L. I. Shelepova // Izvestiya altayskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2000. – №4 (18). – S. 101–104.
15. **Shmeleva, T. V.** Model' rechevogo zhanra / T. V. Shmeleva // Zhanry rechi : sb. nauch. st. Saratov : Kolledzh. 1997. – Vyp. 1. – S. 88–98
16. **Presser, J.** Memoires als geschiedbron / J. Presser // Winkler Prins Encyclopedie. – Vol. VIII. – Amsterdam: Elsevier, 1958. – P. 208–210.

Материалы поступили в редакцию 11.08.2026 г.